

Л. А. Беляев

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА: АРХЕОЛОГИЯ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ. XVI — НАЧАЛО XX В.

doi: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-64-71

УДК 904(2)

ББК 63.40

В статье предлагается новый угол зрения на интерпретацию материалов исторической (поздней) и актуальной (современной) археологии России. Сами по себе эти направления были признаны частью фундаментальной науки совсем недавно, в последнюю четверть прошлого века, но прошли уже значительный путь. В исследовании ставятся задачи методами археологии обозначить: особенности «русского пространства» и пути его формирования; участие Московской Руси и Российской Империи в географических открытиях XVII–XIX вв.; основные типы памятников и виды «русского присутствия» в пространстве северо-восточной Евразии и за ее пределами. Приводятся примеры единства археологически выявленных предметов и основных видов памятников, служивших опорой для освоения пространства, таких как остроги Сибири (в их числе известные: Албазинский, Умревинский; будущие крупные города — Томск и др.; небольшие недолго существовавшие памятники), монастыри Русского Севера (крупнейшие крепости и малые объекты в отдаленных зонах Карелии и Белого моря), южные засечные черты и линии крепостей (особенно в Нижнем Подонье и Приазовье). Крайними точками, коренным образом различными по характеру участия в освоении мира, оказываются арктические побережья и острова, прибрежные зоны Тихого и Атлантического океанов, Кавказское побережье Каспия и, наряду с этим, точки религиозных путешествий — паломничеств, включающих в сферу «русской географии» Сиро-Палестинский регион. Помимо этого, ставится задача вписать археологические исследования, направленные на обозначение русского присутствия, в глобальную картину мира Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова: *историческая археология, русское присутствие, Дальний Восток, Сибирь, Соловецкий монастырь, Шпицберген, Дербент, Приазовье, Палестина, Новый Иерусалим*

Прологом к статье послужит малоизвестная в современной России, хотя и доступная в переводах на русский язык, серия из девяти книг, изданных с 1957 по 1994 г. польским писателем-патриотом А. Шклярским под общим названием «Приключения Томека Вильмовского».¹ В них юный поляк Томек вместе с отцом и его друзьями путешествует по всему миру. Кроме приключений книги содержат популярные очерки географии, растительного и животного мира, туземного населения и пр. У этого жанра богатая история: юные путешественники по крайней мере с XVIII в. служили проводниками то в мир прошлого,²

то в современную географию. Среди вершин этого жанра «Дети капитана Гранта» Ж. Верна, «географические» книги М. Рида, сочинения Л. Буссенара и многое другое.

Что же выделяет в этой массе «Приключения Томека»? То, что это образцовое патристическое чтение и здесь ярко отражена роль национального (польского) компонента в открытии и освоении мира. Это убедительная и пристрастная демонстрация вклада исследователей из Польши в познание, а значит — и в присвоение планеты. Для народа, жившего примерно два столетия в своеобразной диаспоре, серьезное отношение к национальному прошлому, к следам, оставленным в далеких странах, объяснимо, и книги о польском присутствии в мире естественны. Это присутствие можно обозначить и через памятники археологии на охваченных рассказом континентах — польская археология, как известно, имеет исключительно развитую колониальную ветвь, ее экспедиции хорошо известны на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и в других местах.

Мы, впрочем, говорим о русском (российском, имперском, советском) присутствии на глобусе. А его роль в открытии мира до сих пор обозначена недостаточно. Эта недостаточность,

¹ Описание серии см. на электронном ресурсе: URL: https://www.litmir.me/books_in_series/?id=2322 (дата обращения: 29.06.2019).

² Достаточно напомнить об оказавшей значительное влияние на литературу и археологию книге Ж.-Ж. Бартельми «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции». Первое издание: Barthélemy Jean-Jacques, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire. Paris, 1788. Vol. 1–2. Российское издание см.: URL: <https://electro.nekrasovka.ru/book/2604> (дата обращения: 29.06.2019).

помимо субъективных причин, связанных, например, с сознательным отрицанием или замалчиванием этой роли, имеет объективную историко-культурную основу. Покажем это на следующем примере. В 1992 г. отмечалось 500-летие открытия Америки Колумбом и в Национальной галерее (Вашингтон) прошла большая выставка, посвященная началу эпохи Великих географических открытий: «Около 1492 года: искусство и эпоха исследований».³ Ее целью было показать, что художественный уровень культур различных народов в это время был близок друг другу, сопоставить и уравнивать рисунки Леонардо с бронзами Бенина, японские лаки с резьбой ацтеков, и т. д., продемонстрировать, что человечество вступило в конце XV–XVI вв. в новый мир если не с равного, то с очень близкого старта.

Но выставка невольно выявила также исключительную мощь нового времени, нового социального и культурного порядка человечества, который никогда уже не будет прежним, «доколумбовым». Мир в этот момент не только раскрылся — он разделился на тех, кто открывал, и тех, кого открывали. Черта между теми и другими была проведена надолго, если не навсегда. На выставке было четыре раздела, посвященных культуре Европы, Средиземноморья и части Африки; обеих Америк; Азии с ее миром ислама; Китая, Кореи и Японии. На ней не было, однако, важного субконтинента — Северо-Восточной Евразии, то есть России эпохи ее наибольшего распространения. И это не случайно: Россию с ее историей невозможно однозначно отнести ни к открывающим странам (к которым она все же ближе), ни к открываемым. Тем не менее следует заполнять эту нишу, и не только материалами конца XV в. (итальянцы уже на московской службе), но и более ранними, и более поздними.

Следы нашего присутствия на исторической карте были важны в глазах людей XIX в. и память о нем сохранялась, приобретая порой почти археологические формы. Вот один из ярких примеров. Совершенный в 1854 г. знаменитый слав Амурской экспедиции графа Н. Н. Муравьева, которому Россия обязана восстановлением контроля над рекой Амур (и в известной степени удержанием за собой Дальнего Востока), был посвящен памяти об осаде Албазинского острога — пограничного центра особого воеводства на Амуре, оставленно-

го русскими в 1689 г. после двух тяжелейших осад (1685, 1686 гг.) и длительной блокады.

Внимание к памяти Албазина проявляли многие офицеры экспедиции, тем более, что к тому времени уже существовали посвященные ему сочинения.⁴ В поход была взята икона Божьей матери Албазинской: «Утром 8-го мая 1854 года отряд, помолясь перед древней иконой Божией Матери, вынесенной в 1690 году из Албазина, отошедшего в это время, на основании Нерчинского трактата, к китайцам, мы сели на лодки и плоты и тронулся в далёкий путь. Пройдя Усть-Стрелку, 18-го мая, в 21/г часа дня, отряд остановился и Муравьев поздравил всех с возобновляем плавания русских людей по Амуру, двести лет для нас закрытому».⁵

Когда караван из барок и плотов достиг 20 мая городища острога, экспедиция высадилась на берег и отслужила молебен с панихидой по погибшим защитникам укрепления: «Через два дня плавания, флотилия достигла места, где 165 лет стояла наша, казачья крепость Албазин, сожженная манджурами до основания, после заключения Головиным Нерчинского трактата. При звуках молитвы “Коль славен наш Господь в Сионе”, исполненной батальонными трубачами, Муравьев со свитой вышел на берег и поднялся на вал, которым был когда-то обнесён Албазин и следы которого видны и донныне. Все невольно обнажили головы и сотворили крестное знамение в память погибших здесь геройскою смертью защитников крепостцы, отражавших грудью своей полчища манжур, в десять раз превосходивших их своею численностью».⁶ При этом офицеры не только наблюдали характерный рельеф с валами и рвами, но и вспоминали историю героической обороны, а также собирали «сувениры» — археологи назвали бы их «подъемкой».⁷ Современные исследования укрепили особый статус этого памятника, раскопки здесь стали яркой страницей в формировании нашей исторической археологии.⁸

Впрочем, для археологии русского присутствия важны не столько отдельные яркие

⁴ Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. История города Албазина. СПб., 1844. Прил. № 12. Ч. 2.

⁵ Глен Н. А. Первый амурский поход Н. Н. Муравьева // Исторический вестник. 1889. Т. 36, № 6. С. 644.

⁶ Там же.

⁷ См. об этом: Любарский Э. Бедственная экспедиция // Исторический вестник. 1894. № 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm> (дата обращения: 29.06.2019).

⁸ Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С 2011 г. исследования продолжала особая Албазинская археологическая экспедиция; см. ее сайт в Википедии.

³ Circa 1492: Art in the Age of Exploration. Washington, 1991.

памятники, сколько демонстрация их системного характера, их типологической оригинальности и органического единства на большом географическом пространстве. Традиционный археологический подход видит в материалах Албазинского острога прежде всего закрытый комплекс с точными датами начала и завершения формирования (хорошо известными по письменным источникам), причем с массой внутренних уточненных позиций (например, массовые погребения в домах и погребках могут быть датированы в пределах недель 1686 г.). Тем самым уточняется хронология хорошо известных предметов второй половины XVII в., в смутном облаке маркировок «XVII–XVIII вв.» появляются твердо датированные вещи — например, личные подвесные крестики усложненного рисунка, с венцом и лучами.

Это действительно ценно. Но не менее важно, что точно такие же или типологически однородные вещи мы обнаруживаем на огромном расстоянии друг от друга. Например, в дагестанском Дербенте, где они представлены в материалах кладбища экспедиционного корпуса Петра I, возникшего после 1722 г., то есть примерно на 35–40 лет позже осады Албазинского острога.⁹ Этот кластер археологических памятников сопоставим с острогом еще и потому, что землянка самого Петра Алексеевича, участвовавшего в Персидском походе, уже в XIX в. была восстановлена и оформлена как памятное место. Теперь ее пришлось восстанавливать вторично, при этом и были раскрыты солдатские могилы с уже знакомыми нам по Албазину подвесными личными крестиками.¹⁰

Таким образом, единство предметного мира русских поселений в столь далеких точках не случайно: на огромном пространстве между ними, с поразительным постоянством и густотой, встречаются точно такие же вещи.¹¹ Распространяются они, однако, из центра стра-

ны, где отмечены места их производства, — не всегда в закрытых комплексах, но с довольно точными и поддержанными письменными источниками датами. К таковым относятся, например, производственные площадки Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря (начало строительства — вторая половина 1650-х гг., завершение — 1690-е гг.), на одной из которых найдена глиняная форма для отливки крестика такого «лучевого» типа.¹²

Так в археологии выражен этап сложения Российской Империи и нации, который исторически хорошо известен и связан с бурным всплеском политической и экономической активности в Московском царстве, приведший к Петровской модернизации. Одна из важнейших сторон этой активности — экспансия в пространстве, которую с полным основанием можно приравнять по значения к Великим географическим открытиям. В Новое время практическое освоение территорий получит научное измерение в специальных экспедициях¹³ — точно так же, как это было в западноевропейской географии и всем круге наук, которые относились в то время к естественным.

Конечно, далеко не все элементы этого движения, ставшего основой национального строительства новой России, археологически выражены и осознаны. Однако эмпирически и на ассоциативном уровне уже складываются такие общности объектов, как, например, остроги — форпосты движения, ставшие важнейшим инструментом не только для закрепления контроля над местностью.¹⁴ Они имеют устойчивую

¹² О раскопках в Новом Иерусалиме см.: Беляев Л. А., Крючкова М. А., Черненилова Л. М. Ново-Иерусалимский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51. С. 611–631 (там же литература).

¹³ Первая научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта (1719) имела даже археологическое измерение. Сухопутная часть Камчатской экспедиции (1733–1740-е гг.), среди выдающихся участников которой Г.-Ф. Миллер, и др.

¹⁴ Начатое исследование Мангазеи в конце 1960-х гг. археологическое изучение русских опорных пунктов в Сибири привело к осознанию «острога» как сложного культурно-исторического явления. Это чрезвычайно активно развивающаяся область русской археологии. Подробнее см.: Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1. Л., 1980; Они же. Мангазея. Ч. 2. М., 1981; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2007; Они же. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008; и др. В том же круге работ: Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002; Она же. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск, 2015; Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996. Умревинский острог, наряду с Албазинским, стал базовым для археологии острогов,

⁹ Дербентский гарнизон Низового корпуса русской армии был поставлен здесь в 1722 г. и оставался до 1735 г., пока Россия не уступила Дербент Ирану. За эти 13 лет были погребены сотни солдат. Подробнее см.: Мамедова О. Дербент на пути Петра Великого // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. URL: http://narodidagestana.ru/vipusk/45/stat/derbent_na_puti_petra_velikogo/ (дата обращения: 29.06.2019). Работы велись в середине 2010-х гг. под руководством М. С. Гаджиева (Дагестанский научный центр РАН). Материал будет издан в готовящейся монографии: Чекулаев Н. Д., Иноземцев Е. И. «История Дербентского гарнизона низового корпуса Русской императорской армии, 1722–1735 гг.»

¹⁰ Они сохранились на останках 47 погребенных.

¹¹ Они есть, например, в составе коллекции из погребений Илимского острога, более растянутой во времени см.: Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007.

традицию, которая берет начало в строительстве засечных черт на юге и востоке Центральной России¹⁵ и продолжится в «линиях» — цепочках крепостей, которые в XVIII и даже XIX вв. станут фронтиром дальнейшего продвижения русских в глубины Азии.¹⁶ Таким образом, остроги Сибири — родные братья крепости в Оренбуржье. У этих объектов есть и отдаленные родственники, такие как торговые блокгаузы и городки эпохи освоения Дальнего Запада в Северной Америке в середине XIX в. Русская версия, несомненно более протяженная по времени (и более ранняя, конечно), представляется нам и более органичной, она станет основой дальнейшего взаимодействия с географической средой (далеко не всегда благоприятной), с бесчисленными туземными этносами, имеющими племенную или предгосударственную структуру, собственную традицию обменных (торговых) связей и других внешних контактов.¹⁷

На другом полюсе, на южном направлении движения, мы увидим, как засечные черты превращаются в бастионные крепости, противостоящие двигающимся с юга турецким крепостям в Приазовье и Причерноморье, а также отметим своеобразие быта этих крепостей, возникающее как следствие усиления культурного трансфера в другом культурном круге: ведь эти территории, как и вся Османская империя, целиком принадлежат средиземноморской культурной традиции и покоятся на ее древнем основании.¹⁸ Таким образом, бытовая археоло-

гия этих крепостей существенно отличается от археологии русских же острогов Сибири, но во многом близка археологии, скажем, Парижа XVIII в., где мы наблюдаем бум потребления кофе и курения табака,¹⁹ отмеченный новыми типами трубок (турецкими) и новыми кофейными чашечками (также турецкими).²⁰

Известный противовес этому южному направлению образуют древности, связанные с другой русской формой колонизации мало освоенных земель — монастырским движением. Не пытаясь охватить в этой статье весь круг таких памятников, преимущественно расположенных на Русском Севере, укажем на множество мало исследованных объектов монастырского присутствия в Карелии, на Кольском полуострове,²¹ а также на знаменитый, уже хорошо и давно изучаемый Соловецкий монастырь с его мощной крепостью XVI в. и обширной округой, в археологическом плане немало не похожий на остроги Урала и Сибири.²²

Однако археология русского присутствия (в прямом смысле слова, поскольку присутствие может быть и опосредованным, как на территории, например, Восточной Пруссии XVIII в. эпохи наполеоновских войн)²³ не образована исключительно землями материкового хартлэнда северо-восточной Евразии. Назовем три

ему посвящена обширная серия работ, см.: Бородавский А. П., Бородавская Е. Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области: учеб. пособие. Новосибирск, 2003; Бородавский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск, 2009. Новый обзор см.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018.
¹⁵ См.: Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. № 44. С. 116–213; Дедук А. В. Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 454–480; Бурцев И. Г. Тульские засеки XVI–XVII в.: историко-археологическое изучение // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 18, 19.

¹⁶ Классический анализ: Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории: с прилож. «Геополитических заметок по русской истории» П. Н. Савицкого. Прага, 1927. Ч. 1. (особенно VI раздел).

¹⁷ Это сравнительно недавнее направление сейчас активно развивается историками; много сходных сюжетов в работах по археологии острогов.

¹⁸ Дедюлькин А. В. Археология поздних периодов (XVIII век) на Нижнем Дону // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1. С. 51–54; Аваков П. А., Гусач И. Р., Дедюлькин А. В. На границе империй: Османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по

данным археологии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы науч. конф. М., 2016. С. 378–399. Интересные картографические выкладки по южной линии собираются на сайте «Папакома» (URL: <http://papacoma.narod.ru/index.htm> (дата обращения: 29.06.2019)).

¹⁹ Мерсье Л. С. Картины Парижа. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 179–182; см. также: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное.

²⁰ Гусач И. Р. Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника): каталог коллекции. М.; Азов, 2016.; Она же. Малоазийская поливная керамика XV–XVIII вв. из раскопок турецкой крепости Азак // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань, 2017. Т. 2. С. 581–600.

²¹ Активные работы ведет М. М. Шахнович, см., напр.: Шахнович М. М. Археологические работы на усадьбе Троицкого Суворовского монастыря в 2007 году // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2008. С. 79–87; Он же. Каменные кресты Карелии // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 5 (110). С. 27–35; Он же. Археологическое обследование православных храмов Русской Лапландии // Святыне и святыни Обонежья: материалы Всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения — 2013». Петрозаводск, 2013.

²² См.: Буров В. А. Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря XVI–XVIII вв. СПб., 2000; Он же. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011; Он же. Государево богомолье — Соловецкий монастырь: проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). М.; Архангельск, 2013. В настоящее время готова к изданию большая работа по истории укреплений.

²³ См.: Хохлов А. Н., Бужилова А. П. Братские могилы эпохи Наполеоновских войн в Калининграде // Институт археологии: новые полевые исследования. М., 2010. С. 106–107.

сильно удаленные от него точки на глобусе, в которых это присутствие выражено наиболее сильно. Среди них есть сравнительно хорошо изученные поселения в Калифорнии на «Русской реке», особенно Форт Росс,²⁴ а также другие, археолого-этнографически пока не проявившие себя, точки Русской Америки. Уже несколько десятилетий экспедиция Института археологии РАН изучает поморский Шпицберген XVII–XIX вв. и, более широко, русские исследования Арктики.²⁵ Эти два кластера представляют довольно близкие примеры русского торгово-промышленного освоения территорий, отделенных от России морским пространством, но важных для изучения методами археологии.

Есть, однако, и более сложный вариант археологии русского присутствия на отдаленных территориях, в котором существенны вовсе не торговые интересы и, пожалуй, вообще не пространственное освоение, а духовное тяготение, правда, в значительной мере эксплуатируемое политически. Речь идет еще об одном культурно-географическом явлении, носящим эпитет «русский», Русской Палестине. О ней за последние десятилетия уже достаточно много написано, но в археологическом плане работа только начинается.²⁶

Этот короткий обзор показывает, что археология русского присутствия уже начала обозначать сферу своих интересов как в географическом,

так и в хронологическом отношении. Более того, эта сфера получает определенное признание в тех областях, где проводятся исследования (и, соответственно, имеются следы такого присутствия) — например, в Израиле. Придется со временем задуматься и о тех территориях, на которых пока и в голову не приходит заниматься подобной археологией: скажем, в Прибалтике, в Средней Азии, в Афганистане или на Украине, в Молдавии и дальше на Запад (Польша, Германия).

Это непривычно, но ничего принципиально невозможного в подобном развитии направления нет. Напротив, оно удивительно укладывается в общую направленность исторической археологии и археологии современности, как их понимает современная наука. Совершенно очевидно, что помимо глобальной истории, возникает и глобальная археология — собственно, она существует как минимум с момента выставки «Откопанные города»²⁷ (*Unearthed Cities*, 1996), на которой демонстрировалась урбанистическая археология торговых центров Японии, Нидерландов, Англии и Северной Америки (Эдо, Нагасаки, Амстердам, Лондон, Нью-Йорк) в XVII–XIX вв. По сути это было своего рода продолжение «*Circa 1492*». Так что не удивительно, что и на этой выставке русские города отсутствовали. Хотя предметная среда, сходство которой так ярко демонстрировалось в центрах развитой морской торговли, очень схожа с тем, что мы видим в археологии Санкт-Петербурга, который, собственно, предстает в таком контексте как ярчайший памятник русского присутствия в Ингерманландии.²⁸

Полагаю, что осознание важности археологии русского присутствия и демонстрации его достижений является важной, актуальной задачей археологии России позднего Средневековья и Нового времени. Как бы мы ни обозначали это направление — как практическую или политическую, прикладную или потребительскую археологию, — выполнение этой задачи становится все актуальнее. Внутренняя и внешняя колонизация, путешествия ученых и паломников, участие в географических открытиях — все эти исследования, уже по определению рассматриваемые в рамках традиционных

²⁴ Lightfoot K. G., Wake Th. A., Schiff A. M. *Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California: Introduction*. Archaeological Research Facility, University of California at Berkeley, 1991; Lightfoot K. G., Wake Th. A., Schiff A. M. *Daily Practice and Material Culture in Pluralistic Social Settings: An Archaeological Study of Culture Change and Persistence from Fort Ross, California* // *American Antiquity*. Vol. 63: 2 (April), 1998. P. 199–222.

²⁵ Старков В. Ф. *Очерки истории освоения Арктики*. М., 1998. Т. 1; Он же. *Очерки истории освоения Арктики*. М., 2001. Т. 2; Старков В. Ф., Черновитов П. Ю., Дубровин Г. Е. *Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген*. М., 2002. Вып. 1: Остатки судов; Они же. *Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген*. М., 2005. Вып. 2: Поселения и погребения; Старков В. Ф., Державин В. Л., Захаров В. Г. *Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген*. М., 2007. Вып. 3: Жилищно-хозяйственные комплексы; Державин В. Л., Старков В. Ф. *Проблемы освоения морского побережья и островов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв.* // *Вестн. Томск. гос. ун-та. История*. 2017. № 49. С. 78–81; и др. работы коллектива.

²⁶ Работы ведет коллектив Российско-Палестинской Иерихонской экспедиции в содружестве с учеными Израиля и Палестины. См.: Беляев Л. А. *Русская археология Палестины* // *Вестн. РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. № 2. С. 51–64; Беляев Л. А., Вах К. А. *Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация)* // *Славяноведение*. 2019. № 2. С. 94–99; Беляев Л. А., Чехановец Я. *Путешественники, паломники, покойники... Этно-археология русских в Сиро-палестинском регионе XVIII–XIX вв.* // *Археол., этногр. и антропол. Евразия*. 2019. № 4 (в печати).

²⁷ *Unearthed Cities: Edo, Nagasaki, Amsterdam, London, New York, Tokyo*, 1996.

²⁸ Литература по археологии Санкт-Петербурга эпохи его существования уже достаточно обширна, чтобы ограничиться здесь общей отсылкой к соответствующим серийным изданиям, таким как «Археологическое наследие Санкт-Петербурга» и «*Archaeologica Petropolitana*».

гуманитарных дисциплин, комплексны и фундаментальны. Фактически, именно они сформировали саму основу археологии «националь-

ного периода» в развитии России, той новой археологии, о которой в последние годы нам случалось писать неоднократно.²⁹

Leonid A. Belyaev

Member of the RAS, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: labeliaev@bk.ru

FOUR CARDINAL POINTS: THE ARCHAEOLOGY OF RUSSIA'S PRESENCE (16th — early 20th century)

The paper offers a new perspective on the materials of Russia's historical archaeology. This field has been accepted as a part of fundamental science only recently, in the last quarter of the 20th century. Using the methods of archeology the research aims at identifying the specific features of the "Russian space" and its genesis. It is to describe and emphasize the role of the Moscow state and the Russian Empire in the Great Discoveries from the 16th till the 19th centuries; to mark the main types of the sites and monuments of the Russian presence in North-Eastern Eurasia and outside of it. The paper provides examples of established connection between the archaeological artifacts and the strongholds of the Russian space exploration, such as fortresses (Rus. — ostrog) of Siberia (among them Albazinsky, Umrevinsky as well as future big towns – Tomsk etc.), the largest fortresses of the monasteries of the Russian North, the Southern strategic lines at the rivers of Don, Ural and around of Azov sea, combining the wooden, earthen and stone fortification elements. The extremely distant points of the Russian space are totally different as the participants of the exploration and occupation of the World. There are the Arctic shores and islands, coasts of the Pacific and Atlantic oceans, Caucasus coast of the Caspian Sea and the points of destination for the pilgrims which included into the space of "Russian Geography" the region of Syria and Palestine. In addition, the task to fit archaeological research aimed at designating the Russian presence into the global picture of the world of the New and Modern times is set.

Keywords: *historical archaeology, Russian presence, Far East, Siberia, Solovetsky Monastery, Svalbard, Derbent, Azov region, Palestine, New Jerusalem*

REFERENCES

- Alekseev A. N. *Pervyye russkiye poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii* [The first Russian settlements of the 17th–18th centuries in the North-East of Yakutia]. Novosibirsk: B.i., 1996, 152 p. (in Russ.).
- Artemyev A. R. *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv.* [Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the 17th–18th centuries]. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN Publ., 1999, 335 p. (in Russ.).
- Avakov P. A., Gusach I. R., Dedyulkin A. V. [On the border of empires: Ottoman and Russian fortifications of the North-East Azov region according to archaeology]. *Ot Smuty k Imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauch. konf.* [From the Time of Troubles to the Empire. New discoveries in the field of archaeology and history of Russia of the 16th–18th centuries: materials of sci. conf.]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2016, pp. 378–399. (in Russ.).
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F. *Mangazeya* [Mangazeya]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1980, part 1, 164 p. (in Russ.).
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F. *Mangazeya* [Mangazeya]. Moscow: Nauka Publ., 1981, part 2, 147 p. (in Russ.).
- Belyaev L. A. [Archaeology of the Late Middle Ages and modern times in Russia: notes on self-determination]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Sbornik nauch. st.* [Russian culture in archaeological research. Collection of scientific articles]. Omsk Tyumen; Ekaterinburg: Magellan Publ., 2014, vol. 1, pp. 11–18. (in Russ.).

²⁹ См. изложение концепции, обзоры и материалы: Беляев Л. А. Археология Позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 11–18; Он же. Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 66–70; а также в сборниках: От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы науч. конф. М.; Вологда, 2016; Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы междунар. науч. конф. М., 2018.

- Belyaev L. A. [Historical Archaeology in Russia: New Directions of Research] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 2017, no. 49, pp. 66–70. DOI: 10.17223/19988613/49/12 (in Russ.).
- Belyaev L. A. [Russian archaeology in Palestine] *Vestnik RFFI. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [RFBR Journal. Humanities and social sciences], 2019, no. 2, pp. 51–64. (in Russ.).
- Belyaev L. A., Kryuchkova M. A., Chernenilova L. M. [New Jerusalem Monastery]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: TsNTs "Pravoslavnyaya Entsiklopediya" Publ., 2018, vol. 51, pp. 611–631. (in Russ.).
- Belyaev L. A., Vakh K. A. [Memorial inscriptions in Slavic pilgrims of the eighteenth and nineteenth century in St. Michael the Archangel Monastery in Jerusalem (preliminary publication)]. *Slavyanovedeniye* [Slavyanovedenie], 2019, no. 2, pp. 94–99. (in Russ.).
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L. *Russkiye ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoy oblasti: ucheb. posobiye* [Russian forts of the 18th century on the territory of the Novosibirsk region: schoolbook]. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Publ., 2003, 43 p. (in Russ.).
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V. *Umrevinskiy ostrog. Arkheologicheskiye issledovaniya 2002–2009 gg.* [Umrevinsky fort. Archaeological research of 2002–2009]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2009, 244 p. (in Russ.).
- Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economics and capitalism, 15th–18th centuries]. Moscow: Progress Publ., 1986, vol. 1, 624 p. (in Russ.).
- Burov V. A. *Golovlenkova tyur'ma Solovetskogo monastyrya XVI–XVIII vv.* [Golovlenkov prison of the Solovetsky monastery of the 16th–18th centuries]. Saint Petersburg: OOO "NPO Omega" Publ., 2000, 64 p. (in Russ.).
- Burov V. A. *Gosudarevo bogomol'ye — Solovetskiy monastyr': problemy istorii velikoy severnoy obiteli (XV–XIX veka)* [Sovereign's pilgrimage — Solovetsky monastery: problems of the history of the great northern monastery (15th–19th centuries)]. Moscow; Arkhangelsk: IA RAN Publ., 2013, 500 p. (in Russ.).
- Burov V. A. *Istoriya keleynoy zastroyki Solovetskogo monastyrya XV–XIX vekov* [The history of the cell building of the Solovetsky monastery of the 15th–19th centuries]. Arkhangelsk: Solombal'skaya tipografiya Publ., 2011, 490 p. (in Russ.).
- Burtsev I. G. [Tula abbesses of the 16th–17th centuries: historical and archaeological study]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2015, no. 3 (61), pp. 18–19. (in Russ.).
- Chernaya M. P. *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII v.: problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpreta-tsii* [Tomsk Kremlin of the middle 17th–18th centuries: problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Izd-vo TGU Publ., 2002, 187 p. (in Russ.).
- Chernaya M. P. *Voyevodskaya usad'ba v Tomске. 1660–1760-ye gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Governor's estate in Tomsk. 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: Izdatel'skiy dom "D'Print" Publ., 2015, 276 p. (in Russ.).
- Circa 1492: art in the age of exploration: exhibition cat. Washington: National gallery of art; New Haven; Yale Univ. press, 1991, 671 p. (in English).
- Deduk A. V. [Abbesses in the southern lands of the Russian state in the 16th century (according to written sources)]. *Edinorog: materialy po voyennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Unicorn: materials on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and early Modern Times]. Moscow: Russkiye vityazi Publ., 2014, iss. 3, pp. 454–480. (in Russ.).
- Dedulkin A. V. [The Post Medieval archaeology in the Lower Don (18th century)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University news. North-Caucasian region. Social sciences series], 2010, no. 1, pp. 51–54. (in Russ.).
- Derzhavin V. L., Starkov V. F. [Problems of development of the Sea Coast and Islands of the European Arctic in the 16th–18th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 2017, no. 49, pp. 78–81. (in Russ.).
- Gusach I. R. [Asia Minor glazed ceramics of the 15th–18th centuries from excavations in the Azak turkish fortress]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv.* [Glazed ceramics of the Mediterranean and Black Sea region of the 10th–18th centuries]. Kazan: In-t arkheologii im. A. Kh. Khalikova AN Resp-ki Tatarstan Publ., 2017, vol. 2, pp. 581–600. (in Russ.).
- Gusach I. R. *Kuritel'nyye trubki iz raskopok osmanskoj kreposti Azak (po materialam fonda arkheologii Azovskogo muzeya-zapovednika): katalog kolleksii* [Smoking pipes from the excavations of the Azak ottoman fortress (based on materials from the Archaeology Fund of the Azov Museum-Reserve): collection catalog]. Moscow; Azov: Golden-Bi; Azovskiy muzey-zapovednik Publ., 2016, 360 p. (in Russ.).
- Khokhlov A. N., Buzhilova A. P. [Mass graves of the Napoleonic Wars era in Kaliningrad]. *Institut arkheologii: novyye polevyye issledovaniya* [Institute of Archaeology: new field investigations]. Moscow: IA RAN Publ., 2010, pp. 106–107. (in Russ.).
- Lightfoot K. G., Wake Th. A., Schiff A. M. *Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California: Introduction*. Berkeley: Archaeological Research Facility, University of California at Berkeley, 1991, no. 49, 249 p. (in English).

- Lightfoot K. G., Wake Th. A., Schiff A. M. Daily Practice and Material Culture in Pluralistic Social Settings: An Archaeological Study of Culture Change and Persistence from Fort Ross, California. *American Antiquity*, 1998, vol. 63:2 (April), pp. 199–222. (in English).
- Mamedova O. [Derbent on the way of Peter the Great]. *Narody Dagestana. Respublikanskiy obshchestvenno-politicheskiy zhurnal* [Peoples of Dagestan. Republican socio-political magazine]. Available at: http://narodidagestana.ru/vipusk/45/stat/derbent_na_puti_petra_velikogo/ (accessed: 06.29.2019) (in Russ.).
- Mercier L. S. *Kartiny Parizha* [Pictures of Paris]. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1935, vol. 1, pp. 179–182. (in Russ.).
- Molodin V. I. *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Underclothes crosses of the Ilimsk fort]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2007, 248 p. (in Russ.).
- Nikitin A. V. [Defense fortifications of the Great Abatis Line of the 16th–17th centuries]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955, no. 44, pp. 116–213. (in Russ.).
- Ot Smuty k Imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.: materialy nauch. konf.* [From the Time of Troubles to the Empire. New discoveries in the field of archaeology and history of Russia of the 16th–18th centuries: materials of sci. conf.]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2016, 520 p. (in Russ.).
- Savitsky P. N. [Geopolitical notes on Russian history]. *Vernadskiy G. V. Nachertaniye russkoy istorii* [Vernadsky G. V. Outline of Russian history]. Prague: Evraziyskoye kn-vo Publ., 1927, part 1, 263 p. (in Russ.).
- Shakhnovich M. M. [Archaeological Survey of Orthodox Churches of Russian Lapland]. *Svyatyie i svyatyni Obonezh'ya: materialy Vseros. nauch. konf. "Vodlozerskiye chteniya — 2013"* [Saints and Shrines of the Obonezh Region: Materials of All-Russian sci. conf. "Wodlozero Readings — 2013"]. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2013, pp. 125–134. (in Russ.).
- Shakhnovich M. M. [Archaeological work on the estate of the Troitsk Sunoretsky Monastery in 2007]. *Pravoslaviye v Karelii* [Orthodoxy in Karelia]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN Publ., 2008, pp. 79–87. (in Russ.).
- Shakhnovich M. M. [Stone Crosses of Karelia]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk state university. Social sciences & humanities], 2010, no. 5 (110), pp. 27–35. (in Russ.).
- Starkov V. F. *Ocherki istorii osvoyeniya Arktiki* [Essays on the history of the Arctic exploration]. Moscow: Nauch. mir Publ., 1998, vol. 1, 94 p.; 2001, vol. 2, 113 p. (in Russ.).
- Starkov V. F., Chernosvitov P. Yu., Dubrovin G. E. *Material'naya kul'tura russkikh pomorov po dannym issledovaniy na arkhipelage Shpitsbergen* [The material culture of the Russian Pomors as revealed by the investigations in the Spitsbergen Archipelago]. Moscow: Nauch. mir Publ., 2002, iss. 1, 151 p. (in Russ.).
- Starkov V. F., Chernosvitov P. Yu., Dubrovin G. E. *Material'naya kul'tura russkikh pomorov po dannym issledovaniy na arkhipelage Shpitsbergen* [The material culture of the Russian Pomors as revealed by the investigations in the Spitsbergen Archipelago]. Moscow: Nauch. mir Publ., 2005, iss. 2, 211 p. (in Russ.).
- Starkov V. F., Derzhavin V. L., Zakharov V. G. *Material'naya kul'tura russkikh pomorov po dannym issledovaniy na arkhipelage Shpitsbergen* [The material culture of the Russian Pomors as revealed by the investigations in the Spitsbergen Archipelago]. Moscow: Nauch. mir Publ., 2007, iss. 3, 152 p. (in Russ.).
- Unearthed Cities: Edo, Nagasaki, Amsterdam, London, New York.* Tokyo: Tokyo Metropolitan Edo-Tokyo Museum, 1996, 255 p. (in English).
- Vershinin E. V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Russian colonization of North-Western Siberia at the end of the 16th–17th centuries]. Ekaterinburg: Demidovskiy institut Publ., 2018, 504 p. (in Russ.).
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. *Mangazeya — pervyy russkiy gorod v Sibirskom Zapolyar'ye (po materialam raskopok 2001–2004 gg.)* [Mangazeya — the first Russian city in the Siberian Arctic (based on materials from excavations in 2001–2004)]. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Basko Publ., 2007, 319 p. (in Russ.).
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. *Mangazeya: novyye arkheologicheskiye issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: new archaeological research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.).
- Zhizn' v Rossiyskoy imperii. Novyye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka: materialy mezhdunarod. nauch. konf.* [Life in the Russian Empire. New sources in the field of archaeology and history of the 18th century: proceedings of an intern. sci. conf.]. Moscow: IA RAN, IRI RAN Publ., 2018, 116 p. (in Russ.).